

§ 4 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Косоруков А.А.

ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ЭЛИТ: КЛАССОВОЕ И СЕТЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию глобального сообщества элит, теоретического обоснования его существования с позиций постмодернизма, либерализма, конструктивизма и постструктурализма. Отдельное внимание уделено теории транснационального исторического материализма, позволяющей проанализировать формирование в среде данного сообщества нового глобального капиталистического класса. Также проводится анализ данного сообщества с позиции сетевого анализа, который показывает как новый глобальный класс пронизан сетевыми взаимосвязями, отвечающими за создание, поддержание и распространение в нем консенсуса относительно политических курсов государств. Выделены основные проблемы, с которыми сталкивается глобальное сообщество элит: трансформация института государства, глобальный тренд демократизации, смещение силового центра, деглобализация рисков, плюрализм глобальной элитарной повестки дня и уязвимость глобального сообщества элит. Методология исследования, представленная в статье, построена на основе как теории транснационального исторического материализма, так и на основе конструктивизма и постструктурализма. При анализе структуры глобального сообщества элит применяется уровневый подход в рамках теории международных отношений, в частности, уровень индивида. Научная новизна статьи состоит в: анализе глобального сообщества элит с позиции различных теорий как относительно молодом и новом понятии в политической элитологии, рассмотрении структуры нового глобального капиталистического класса, его особенностей, связанных с рекрутированием новых членов и достижении консенсусных решений, выделены проблемы и риски, с которыми сталкивается глобальное сообщество элит, находясь на пересечении классовых и сетевых тенденций своего развития.

Ключевые слова: глобальное сообщество элит, глобальный капиталистический класс, сеть, рекрутирование, индивид, государство, демократизация, силовой центр, деглобализация рисков, повестка дня.

В рамках постмодернистского подхода развивается тезис о том, что мы живем в мире постоянных изменений, где мобильность людей и социальный эксперимент стали ключевыми особенностями человеческого поведения. Так, индивиды и социальные группы стремятся узнать пределы своей идентичности, используя последние достижения информационных технологий и отстаивая космополитическое мировоззрение и даже интеллектуальное кочевничество. Самоидентификация индивида в качестве кочевника, своеобразного мигранта стала одной из самых распространенных среди представителей современной интеллектуальной элиты, оказывая определенное влияние на самоидентификацию представителей политико-экономической элиты. При этом для кочевника важен сам процесс движения, а не цель.

Он постоянно находится в процессе движения сквозь границы, в положении диаспоры и существования между мирами¹. Для него нет ничего хуже, чем быть «местным» или «укорененным». Кочевниками становятся скорее даже не те лица, которые перемещаются через границы, а те лица, которые постоянно избегают усвоения культурных кодов местного населения.

Исследования элиты Г. Зиммелем² и К. Мангеймом³ подтверждают существование связей между

¹ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.

² Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4.

³ Мангейм К. Проблема интеллигенции. Исследования ее роли в прошлом и настоящем. — М., 1993.

неукорененностью и интеллектуальностью представителей элиты. Они подтверждают образ принадлежащего к элите странника-интеллектуала, определяя элиту как коллективного странника, отчасти отчужденного от общества. Для Зиммеля данный странник не похож на варвара-чужестранца, а выражает особый тип социального взаимодействия между элитой и обществом. Странник Мангейма, обладающий мобильностью, может быть органической частью как данного общества, так и его оппозиции, быть посторонним коллективным лицом. Это позволяет элите выражать специфическую форму объективного взгляда на мир, не ограниченную традицией или местными стереотипами.

В рамках выделенных тенденций современное глобальное сообщество элит становится более индивидуализированным, меритократическим и экономикоцентричным, чем вчерашняя элита. Все большее количество богатых вкладывают свои средства в инновации и труд наемных рабочих, а не в добычу ресурсов, в целях поддержания своего экономического благосостояния. Они все менее привязаны к своим соотечественникам и к тем нациям, которые дали им возможность развития. Представители глобального сообщества элит взаимосвязаны между собой сильнее, чем представители элит отдельных стран со своим населением. Оно становится глобальным сообществом равных в своем уровне потребления индивидов, образуя вне зависимости от страны пребывания своеобразный новый класс сверхбогатых. Растущее международное влияние глобального сообщества элит иллюстрирует определяющую характеристику сегодняшних плутократов: они формируют глобальное сообщество, их связи с друг с другом становятся ближе, чем их связи с обществом. Пекин имеет много общего с Нью-Йорком, Лондоном или Москвой. Их жители как граждане мира вовлечены в пересекающиеся коммерческие, политические и социальные вопросы, представляющих взаимный интерес. Мы гораздо менее связаны с какой-то одной страной, чем привыкли думать.

Исторически глобальное сообщество элит стало возникать благодаря революции в области информационных технологий, облегчающих политические контакты между странами и народами, а также либерализации мировой торговли. В результате люди, деньги и идеи стали быстрее проникать сквозь государственные границы. Однако, данный процесс привел к появлению глубоких диспропорций в уровне социально-экономического развития стран и мира в

целом, выраженного в современном мире соотношением 1% сверхбогатых и 99% остальных людей⁴.

Ведущиеся исследования глобального сообщества элиты отражают различные теоретические школы мысли. Либеральные подходы в основном сосредоточены на анализе роли лидеров в вопросах координации и эффективности деятельности элит. Конструктивисты анализируют социальные установки, учреждения и процессы идентификации в элитарной среде, которые влияют на производство коллективных действий элит. Постструктуралисты сосредотачивают свое внимание на связи между дискурсивными практиками элит и оказываемым ими дисциплинарным эффектом. Каждый из этих подходов способствует лучшему пониманию роли элит в решении вопроса коллективных действий, в контроле за обществом через власть дискурса или в выполнении роли посредника в конкуренции за власть и влияние в мире. Недостатком выделенных подходов является тот факт, что они не могут уловить ту структурную власть, которая участвует в симбиотических взаимодействиях между государствами и негосударственными субъектами в формировании элит⁵. Это не касается вопроса ресурсов, распределения относительной власти и результатов ее использования, сосредоточенной в процессах принятия решений по различным проблемным областям, но поднимает вопрос анализа дополнительных уровней управления, функции которых будут дополнять традиционные государственные функции.

Этот пробел восполняют теоретические разработки транснационального исторического материализма⁶, объясняющего почему государственные и негосударственные субъекты должны рассматриваться как совместное выражение одной широкой конфигурации структурной власти элиты. С этой точки зрения, глобальное сообщество элит представлено организациями нового глобального класса, относящегося к глобальным средствам про-

⁴ Saying 'We' Again: A Conversation with Jodi Dean on Democracy, Occupy and Communism // <http://criticallegalthinking.com/2012/11/06/saying-we-again-a-conversation-with-jodi-dean-on-democracy-occupy-and-communism/> (дата обращения: 01.03.2014).

⁵ Higott R. US Foreign Policy and the "Securitisation" of Economic Globalisation. // *International Politics*. 2004. № 41 (2). P. 147–175.

⁶ Overbeek H. Theories of transnational class formation and world order. / *Global political Economy: contemporary theories* / edited by Ronen Palan. Routledge. 2000. P. 168–183.

изводства. Они являются организациями класса в том смысле, что они формируются из структуры капиталистических обществ. Подобный классовый анализ не является порождением марксизма, скорее неомарксизма, так как в более широком смысле понятие класса подразумевает, что социальное и политическое неравенство вытекает из неравенства отношений в процессе производства товаров и услуг.

Понятие класса, объединяющего глобальное сообщество элит, проливает свет на политическое действие глобализации. Глобализация как субъективный процесс организовывалась и воплощалась вопреки действиям своих противников конкретными страновыми элитами. Будучи укорененной в классовой структуре капиталистического общества, глобальное сообщество элит в процессе глобализации воспроизводит структурное неравенство между теми, кто контролирует средства производства и теми, кто создает прибавочную стоимость. С одной стороны, глобализация усиливает образование нового глобального класса, который превосходит межкапиталистическое соперничество отдельных стран. С другой стороны, она отделяет данный привилегированный класс даже на уровне мировоззрения, но продолжает представлять его как выражение общего интереса элит.

В чем же проявляется власть глобального сообщества элит, нового глобального класса? Например, это частные советы по международным отношениям⁷, не являющиеся теневыми правительствами плутократов, манипулирующих международными отношениями. Они являются форумами укрепления консенсуса среди тех элит, которые представляют элементы государства и гражданского общества в дружественных странах. Частные советы являются частью более широкого процесса межэлитного общения, взаимного обучения и создания неформальных сетей. В процессе данного общения высока роль интеллигенции, закладывающей основы развития глобального классового сознания. Либеральный принцип «один человек-один голос» упускает из виду тот факт, что «идеи и мнения рождаются неспонтанно» у каждого конкретного индивида: они имеют центр образования, распространения и убеждения — интеллигенцию, аффилированную с элитами.

Глобальное сообщество элит выступает своеобразной группой планирования в качестве классовой организации, играющей ключевую роль в разработке общих стратегий и реализации концепции гегемонистского управления. Например, Всемирный экономический форум⁸ можно рассматривать как орган самого комплексного на сегодняшний день транснационального оперативного планирования, выражающий интересы международного капитала, первый идентифицируемый форум, на котором не только обсуждаются концепции управления и, в случае необходимости, регулируются в глобальном масштабе.

Глобальное сообщество элит, будучи новым классом, пронизано сетевыми взаимосвязями, которые отвечают за создание, поддержание и распространение консенсуса относительно политических курсов государств. В современном мире этот консенсус является продуктом коллективного мышления элит или того, как мы его воспринимаем и какой процесс за ним видим. Сеть является коллективной способностью глобального сообщества элит усиливать свои коллективные возможности или бороться с вызовами, вытекающими из природы глобальных проблем, а также определять каким образом следует осуществлять глобальные экономические, политические и социальные изменения. Данная способность активно используется элитой, при этом она не является случайным результатом взаимодействия элит, но формируется силами, играющими значительную роль в ограничении и придании определенного вида межэлитным контактам.

Для того, чтобы понять что не только общие взгляды легитимизируют существование глобального сообщества элит, необходимо отметить, что его сети не являются продуктом только интеллектуальной деятельности. Представители данного сообщества представляют собой сложное многомерное и многоуровневое образование. Сети выработки политического курса в среде политических и экономических элит являются конкурентными пространствами, в которых властные отношения имеют решающее значение для понимания возможного консенсуса и легитимности. Очевидное отсутствие открытого конфликта, которое олицетворяет собой элитные взаимодействия не является доказательством отсутствия между ними различий или отсутствия борьбы за власть, но это скорее свидетельство действия элитарных кодексов поведения и механизмов его соблюдения.

⁷ Council on foreign relations // http://www.cfr.org/about/people/board_of_directors.html (дата обращения: 27.02.2014); American foreign policy council // http://www.afpc.org/about_us/index (20.02.2014).

⁸ Всемирный экономический форум // <http://www.weforum.org/> (дата обращения: 15.02.2014).

Сети глобального сообщества элиты не могут избежать проявления частных интересов ее участников. При этом, общий интерес, выражающийся в соблюдении правил неразглашения и других неписаных кодексов поведения в среде элиты и являющийся предпосылкой для рассмотрения кандидата при вхождении в сеть, поддерживает интегрированный характер элит. Однако, в ходе концентрации властного ресурса в сетях глобального сообщества элит усиливаются исторические и идеологические стереотипы элит, обостряя конфликтность процесса рекрутирования новых членов. Процесс элитарного отбора начинается и заканчивается через людей, находящихся в центре сети. Именно они отвечают за принятие решения относительно того, кто подходит для входа в сеть и, что более важно, кто должен ее покинуть. Новые участники элиты подвергаются проверке, преодолев которую они могут быть приняты в состав сети, причем давление ощутимо даже для тех, кто пытается попасть в сеть со значительным уровнем личной власти и влияния. К этому следует добавить, что сеть устанавливает определенный уровень консенсуса в глобальном сообществе элит, добиваясь индивидуального соответствия ее требованиям. Консенсус устойчив в элитном контексте из-за невысказанного желания членов-кандидатов стать полностью актуализированными участниками сети.

Желание произвести впечатление на влиятельных участников сети может рассматриваться как вполне оправданное поведение для новых участников. Определение источников и направлений «правильного» мышления в сети, выявление собственной склонности к такому мышлению является важнейшим первым шагом на пути к демонстрации пригодности для сети. Конечно, участники должны пойти дальше, чем эта склонность, но в основном бессознательная идентификация кандидата в элитных кругах в сочетании с личной мотивацией являются достаточными причинами, чтобы быть принятыми в элиту. Это приспособление редко бывает абсолютным, поскольку предпочтения сети и ее участников подвержены изменениям, при которых некоторые выпадают из ее состава, не соответствуя новым требованиям. Члены элитных сетей чаще отрицают, что их мнения формируются сетью, но, спрашивая, что дала им сеть или согласны ли они ее покинуть, мы обнаруживаем значительное влияние элитных сетей на их сознание и поведение.

Сети глобального сообщества элит изменяются под воздействием своих индивидуальных членов, а

также обладают возможностью усиления их позиций. Невозможно сказать с абсолютной уверенностью, является ли такое усиление сознательной деятельностью ее членов или является результатом воздействия доминирующей группы элиты и внешнего окружения, но оно в значительной степени производится без контроля ее центральных членов. Трудность здесь определяется тем, что члены сетей глобального сообщества элит считают себя источниками новых идей, а не простыми последователями чужих идей. Отчасти это свидетельствует о той степени, с которой либеральный интернационализм и экономическая глобализация стали отправной точкой для рационализации мышления элит, но это также свидетельствует о степени их самообмана.

Очевидным примером трудности определения степени сознательности в действиях глобального сообщества элит является процесс рекрутирования новых членов. Механизмы лояльности в среде элит вполне реальны и национальные элиты детерминированы ими, хотя отчасти и неосознанно. Взаимная ответственность, которая лежит в основе сети, настолько наполнена трансцендентными целями и так пропитана «просвещенным» характером своего мировоззрения, что не в состоянии признать его в качестве своего фундамента. Более того, национальные элиты ощущают личную ответственность в процессе вовлечения в «просвещенный» характер глобальной элиты, хотя возможно они сами эксплуатируются теми силами, которым служат.

Центры сетей глобального сообщества элит имеют решающее значение для понимания их власти и формирующегося консенсуса, так как они представляют собой клубы людей с общими или близкими ценностями. Незначительное число лиц в центрах сетей обладают непропорционально высоким уровнем влияния: несколько сотен или несколько тысяч людей представляют реальную основу влияния. Сетевая активность относительно небольшого числа физических лиц создает добрую волю и связи между разрозненными кластерами элитной сетевой активности. Характер такой сети движим требованиями экономической глобализации, но рассматривается членами элит как основание для политического, а не только экономического сближения.

Глобальное сообщество элит так же или даже более актуально сегодня, чем во времена холодной войны, учитывая отсутствие на современном этапе жестких требований международной структуры. Оно является неотъемлемой частью системы мировой

политики, которая существует вне всякой формальной концепции. Оно облегчает и направляет межэлитные коммуникации, в первую очередь, между транснациональными экономическими акторами и интернационалистами в политических элитах различных государств.

Сети в глобальном сообществе элит имеют решающее значение для понимания процессов изменения и развития в мировой политике. Где традиционные инструменты международных отношений ослабли, элитные сети смогли установить довольно прочное основание для мировой политики, так как они обладают способностью выйти за пределы требований национальных интересов. Их влияние очень мягкое, порой незаметное, но редко абсолютное. При этом оно неразрывно связано с более формальными процессами формирования мировой политики.

Сотрудничество, консенсус и легитимность в элитарной среде мировой политики возникли объективно в результате слияния прагматических и просвещенных взглядов представителей элит. Динамика власти внутри элитарной среды втягивает ее членов в сети и выравнивает их предпочтения по отношению к тем, кого они считают влиятельными и легитимными. Этот процесс происходит на бессознательном уровне, но его результаты проявляются в распространности конкретной формы консенсуса — как для службы силам экономической глобализации, так и для выражения регионального политического интереса, например, североатлантического.

Глобальное сообщество элит, находясь на пересечении классовых, сетевых и индивидуальных требований своего развития, сталкивается с рядом проблем.

1. Трансформация института государства под воздействием сетей элит. Многие из существующих концепций и практик государственного строительства, функционирования международных отношений были разработаны и сформулированы на основе центральной роли государства и его аппарата управления. В то время как роль государства в национальном развитии продолжает быть центральной и важной, изменяются те функции, которые будут возложены на государство в его взаимоотношениях с частными учреждениями и неправительственными организациями, а также применительно к условиям выполнения его функций в пространстве глобального сообщества элит. Например, при сохранении своей центральной политической роли многие государства сделали выбор в пользу сотрудничества и конкурен-

ции с сетевыми и элитарными акторами в оказании различных рыночных услуг населению.

Глобальный тренд демократизации. Процесс демократизации являет собой пример широкого распространения демократических институтов во многих странах под воздействием глобального сообщества элит. В странах, которые находятся в процессе демократического транзита, противостоящие политические лагеря и фракции, составляющие раздробленную элиту, могут начать сближаться, если некоторые представители противоборствующих элитных групп под воздействием сетей глобального сообщества элит начнут формировать широкую политическую повестку дня и далее коалицию, которая мобилизует достаточное количество избирателей для победы на выборах. Конвергенция элиты может продолжаться, если фракции, враждебные победившей коалиции, посчитают, что захват власти нерегулярными средствами невозможен, и они должны победить правящую коалицию в ходе избирательного процесса, что возможно при определенных гарантиях со стороны глобального сообщества элит или его части. Это означает, что они признают ценность выборов и обещают признавать их результаты. При этом правящая коалиция управляет так, что уважаются уже созданные институты и молчаливо признается право других фракций на существование совместно с доминирующей элитной коалицией.

Смещение силового центра в глобальном сообществе элит. Формирование глобальной повестки дня зависит от межэлитного консенсуса, от доминирующей в нем элитной группы, например, в настоящее время это трансатлантическая элитная группа, выражающая трансатлантические ценности. Но на сегодняшний день самым быстрорастущим участником межэлитного консенсуса является Азия. Так, если посмотреть на список Форбс, то в нем можно увидеть подмножество развивающихся стран в подмножестве трансатлантистов, среди которых больше всего миллиардеров из России, Китая и Индии⁹. Что произойдет, если трансатлантическая элитная группа станет замещаться представителями Азии и развивающихся стран? Это позитивно скажется на мировой стабильности, так как устранил дисбаланс между населением Азии и ее представленностью в глобальном сообществе элит при условии, что другие игроки нейтрально воспримут подобное смещение силы и не

⁹ The World's Billionaires // <http://www.forbes.com/billionaires/list/#tab:overall> (дата обращения: 17.02.2014).

будут строить экономические барьеры против этого. Смещение силы и состава элиты стало более подвижным. В глобальном измерении это гораздо более связано с частным сектором, чем с государственным, потому что государственный сектор ограничен в своем росте. И это не просто ограничения в области финансов. Имеется в виду, что в сфере изменения климата или сфере распространения оружия массового уничтожения, в вопросах миграции, эпидемий государственный сектор не всегда компетентен.

Деглобализация рисков в условиях нарастания напряжения между различными национальными компонентами глобального сообщества элит. Если во время холодной войны любая перестрелка между двумя Германиями переросла бы в третью мировую войну, то сегодня Китай и Япония спорят за острова Сенкаку и иногда обостряют конфликт, так как понимают, что он не разрастется в более широкий международный конфликт, где США и Китай могли бы бросить друг другу открытый вызов. Это знание формируется на основе уверенности в базовом консенсусе на уровне глобального сообщества элит о недопустимости глобального конфликта, но при этом позволяет сделать акторов более безрассудными и причинить больше вреда на локальном и возможно региональном уровне конфликта. Достаточно взглянуть на падение японского экспорта в Китай в связи с недавним кризисом.

Плюрализм глобальной элитарной повестки дня. Многочисленные проблемы глобального развития кардинально изменили повестку дня. Если раньше ее формировали преимущественно государственные акторы, то теперь она складывается из разнонаправленных действий государственных и негосударственных акторов, пересекающихся в сетях глобального сообщества элит. Например, экологические проблемы, затраты на рабочую силу, международная трудовая миграция, права человека и роль женщин и других уязвимых групп стали главными заботы элит. Природные и антропогенные катастрофы создают новые проблемы и требуют срочного внимания правительства и привлечения соответствующих ресурсов.

Уязвимость глобального сообщества элит. Она затрагивает как развивающиеся рынки, так и развитые экономики, демократии и авторитарные государства, государственные и частные учреждения, а также широкий спектр вопросов их взаимодействия. Этими вызовами стали: недостаточная легитимность элит, политические вызовы, исходящие из национальных

государств, борющихся с неравенством, нестабильностью, кризисами и стремящихся к максимальной реализации своих возможностей в мире. Рост неравенства в распределении богатств или постоянно нарастающий объем информации содействуют коллективным действиям против существующего глобального сообщества элит. Например, движение «Оккупай»¹⁰, положившее конец своим лозунгом «мы 99%» мирному сосуществованию народа с неравенством. В то время как самые богатые вышли с самыми минимальными потерями из экономического кризиса, средний класс переживает падение уровня жизни даже в развитых странах мира. Во многих развитых и развивающихся странах уровень безработицы среди молодежи являются чрезвычайно высоким. Результатом является «дефицит легитимности» и ощущение того, что они могли бы существовать лучше без правителей. Люди менее склонны мириться с коррупцией, преступностью, кумовством и другими формами негативными социальными факторами, бросающими тень на лидеров и элиты. Большинство обществ не имеют четкого морального компаса в виде религии, идеологии или установленной системы ценностей. Средства массовой информации поспешили заполнить этот вакуум более актуальным сиюминутным моральным негодованием в виде последних скандалов и новостей, что совсем недалековидно в долгосрочном плане.

Угроза легитимности элиты значительно варьируется между регионами и даже соседями. Аналогичным образом карта риска в 2014 году становится все более разнообразной. Там нет ни одного всеобъемлющего риска того, что может дестабилизировать мировую политику или пустить под откос мировую экономику. Вместо этого, существует большое число локальных болевых точек: от эскалации напряженности в отношениях между Китаем и Японией, кровопролития в Сирии и обострения противостояния на Украине до продолжающегося кризиса в еврозоне. Такие риски имеют региональный эффект, но ни один из них не имеет возможности стать кризисом глобального масштаба вследствие устойчивости консенсуса в глобальном сообществе элит. Это продолжение периода новой локальности в мировой политике, где правительства более скованы национальными и региональными проблемами, проблемами переизбрания, а не решением более масштабных глобальных вопросов, которые требуют коллективного лидерства для их решения.

¹⁰ The #occupy movement // <http://www.occupytogether.org/>

Глобализация и национальная безопасность

Как это ни парадоксально, стремление к отделению и национальному самоопределению находится на подъеме, хотя в рамках интеграционных тенденций можно было бы ожидать от глобального сообщества элит поддержку более интегрированных решений и более сложных задачах.

Миру сегодня не хватает всеобъемлющей и принимаемой модели развития и прогресса, в частности, модели развития элит. Многие люди считают, что глобальный финансовый и экономический кризис дискредитировал новый глобальный класс, олицетворяющий рыночный капитализм. При этом институты глобального управления выглядят достаточно слабыми. Региональные интеграционные институты не могут адекватно занять их место. США как лидер мировой политической системы и один из главных источников для пополнения глобального сообщества элит, находятся на этапе эрозии своей мягкой силы. Европейский Союз

вошел в период долгой политической и экономической стагнации в элементами роста, но сама «западная» модель, за которой должны следовать другие страны, больше не распространяется так же легко как раньше вследствие конкуренции со стороны другого интеграционного блока — Евразийского Союза.

Для многих представителей глобального сообщества элит идея о том, что может осуществиться экономическое развитие без переноса принципов демократии является привлекательным ответом. Авторитарные системы либо взламываются под внешним давлением, либо стремятся использовать китайский опыт авторитарного государственного капитализма, зависящего от успехов годового роста в Китае, этого исключительного опыта в течение последних трех десятилетий. Если Китай замедлится или остановится в развитии, подобное мировоззрение, скорее всего, потеряет многих своих сторонников.

Библиография

1. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4.
3. Мангейм К. Проблема интеллигенции. Исследования ее роли в прошлом и настоящем. — М., 1993.
4. Saying ‘We’ Again: A Conversation with Jodi Dean on Democracy, Occupy and Communism // <http://criticallegalthinking.com/2012/11/06/saying-we-again-a-conversation-with-jodi-dean-on-democracy-occupy-and-communism/> (дата обращения: 01.03.2014).
5. Higgott R. US Foreign Policy and the “Securitisation” of Economic Globalisation. // *International Politics*. 2004. № 41 (2). P. 147–175.
6. Overbeek H. Theories of transnational class formation and world order. / *Global political Economy: contemporary theories* / edited by Ronen Palan. Routledge. 2000. P. 168–183.
7. Council on foreign relations // http://www.cfr.org/about/people/board_of_directors.html (дата обращения: 27.02.2014); American foreign policy council // http://www.afpc.org/about_us/index (20.02.2014).
8. Всемирный экономический форум // <http://www.weforum.org/> (дата обращения: 15.02.2014).
9. The World’s Billionaires // <http://www.forbes.com/billionaires/list/#tab:overall> (дата обращения: 17.02.2014).
10. The #occupy movement // <http://www.occupytogether.org/> (дата обращения: 25.02.2014)
11. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальное мировоззрение и глобальные исследования // *NB: Проблемы общества и политики*. — 2012. — 1. — С. 137–173. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_46.html
12. Борисенков А.А. Политическая власть — политическая субстанция // *NB: Проблемы общества и политики*. — 2013. — 6. — С. 193–217. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.6.806. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_806.html
13. Г. Л. Акопов. Политические элиты России и интернет-сообщество: вопросы взаимодействия. // *Политика и Общество*. — 2011. — № 7. — С. 12–21.
14. В. П. Мохов. Региональные и местные элиты: трансформация статуса в период политических реформ 2000-х годов. // *Политика и Общество*. — 2010. — № 8.
15. Г. В. Довгаль. Дальневосточная политическая элита: к вопросу о социальном составе и специфике рекрутирования // *Право и политика*. — 2007. — № 9.
16. В.В. Кочетков. Российская элитология: наука или идеология?. // *Политика и Общество*. — 2013. — № 4. — С. 515–525. DOI: .10.7256/1812–8696.2013.04.18.
17. Н.А. Борисов. Проектирование национальных идеологий и проблемы стабильности политических режимов (случай Узбекистана и Кыргызстана). // *Политика и Общество*. — 2013. — № 4. — С. 418–427. DOI: .10.7256/1812–8696.2013.04.5.

18. В.И. Буренко. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода. // *Право и политика*. — 2013. — № 4. — С. 469–472. DOI: .10.7256/1811–9018.2013.04.3.
19. А. В. Войтов, А. П. Галкин. Роль институтов гражданского общества в рекрутировании политических элит в Нижневолжском регионе. // *Политика и Общество*. — 2011. — № 4.
20. В. С. Золотой. Поиск методологического и теоретического подхода к изучению обществ консолидации мировой элиты в контексте критики конспирологии.. // *Политика и Общество*. — 2010. — № 10.
21. А. К. Сквиков. Политическая и правящая элиты современной России: взаимодействия и противоречия.. // *Политика и Общество*. — 2010. — № 10

References

1. Levi-Stross K. *Pervobytnoe myshlenie*. М.: Respublika, 1994.
2. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' // *Logos*. 2002. № 3–4.
3. Mangeim K. Problema intelligentsii. Issledovaniya ee roli v proshlom i nastoyashchem. — М., 1993.
4. Saying 'We' Again: A Conversation with Jodi Dean on Democracy, Occupy and Communism // <http://criticallegalthinking.com/2012/11/06/saying-we-again-a-conversation-with-jodi-dean-on-democracy-occupy-and-communism/> (data obrashcheniya: 01.03.2014).
5. Higott R. US Foreign Policy and the "Securitisation" of Economic Globalisation. // *International Politics*. 2004. № 41 (2). P. 147–175.
6. Overbeek H. Theories of transnational class formation and world order. / *Global political Economy: contemporary theories* / edited by Ronen Palan. Routledge. 2000. P. 168–183.
7. Council on foreign relations // http://www.cfr.org/about/people/board_of_directors.html (data obrashcheniya: 27.02.2014); American foreign policy council // http://www.afpc.org/about_us/index (20.02.2014).
8. Vsemirnyi ekonomicheskii forum // <http://www.weforum.org/> (data obrashcheniya: 15.02.2014).
9. The World's Billionaires // <http://www.forbes.com/billionaires/list/#tab:overall> (data obrashcheniya: 17.02.2014).
10. The #occupy movement// <http://www.occupytogether.org/> (data obrashcheniya: 25.02.2014)
11. Ursul A.D., Ursul T.A. Global'noe mirovozzrenie i global'nye issledovaniya // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. — 2012. — 1. — С. 137–173. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_46.html
12. Borisenkov A.A. Politicheskaya vlast' — politicheskaya substantsiya // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. — 2013. — 6. — С. 193–217. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.6.806. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_806.html
13. G. L. Akopov. Politicheskie elity Rossii i internet-soobshchestvo: voprosy vzaimodeistviya. // *Politika i Obshchestvo*. — 2011. — № 7. — С. 12–21.
14. V. P. Mokhov. Regional'nye i mestnye elity: transformatsiya statusa v periodpoliticheskikh reform 2000–kh godov. // *Politika i Obshchestvo*. — 2010. — № 8.
15. G. V. Dovgal'. Dal'nevostochnaya politicheskaya elita: k voprosu o sotsial'nom sostave i spetsifike rekrutirovaniya // *Pravo i politika*. — 2007. — № 9.
16. V.V. Kochetkov. Rossiiskaya elitologiya: nauka ili ideologiya?. // *Politika i Obshchestvo*. — 2013. — № 4. — С. 515–525. DOI: .10.7256/1812–8696.2013.04.18.
17. N.A. Borisov. Proektirovanie natsional'nykh ideologii i problemy stabil'nosti politicheskikh rezhimov (sluchai Uzbekistana i Kyrgyzstana). // *Politika i Obshchestvo*. — 2013. — № 4. — С. 418–427. DOI: .10.7256/1812–8696.2013.04.5.
18. V.I. Burenko. Politicheskii klass sovremennoi Rossii v kontekste instrumental'nogo podkhoda. // *Pravo i politika*. — 2013. — № 4. — С. 469–472. DOI: .10.7256/1811–9018.2013.04.3.
19. А. В. Войтов, А. П. Галкин. Rol' institutov grazhdanskogo obshchestva v rekrutirovanii politicheskikh elit v Nizhnevolzhskom regione. // *Politika i Obshchestvo*. — 2011. — № 4.
20. V. S. Zolotoi. Poisk metodologicheskogo i teoreticheskogo podkhoda k izucheniyu obshchestv konsolidatsii mirovoi elity v kontekste kritiki konspirologii.. // *Politika i Obshchestvo*. — 2010. — № 10.
21. А. К. Сквиков. Politicheskaya i pravayashchaya elity sovremennoi Rossii: vzaimodeistviya i protivorechiya.. // *Politika i Obshchestvo*. — 2010. — № 10